

Рустем Вахитов, Уфа

ЛЕНИН: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА

СОВСЕМ НЕ СЛУЧАЙНО ИДЕОЛОГИ СЕГОДНЯШНЕГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ПЫТАЮТСЯ ПРЕДСТАВИТЬ ЛЕНИНА СОБРАНИЕМ ВСЕХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ НЕДОСТАТКОВ И ЗЛЫМ ГЕНИЕМ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ...

Прошло уже около 20 лет с тех пор, как перестало существовать созданное Лениным и почитавшее Ленина советское государство. А споры о Ленине не утихают на страницах газет и журналов, на радио и на экранах телевизоров, теперь уже и в Интернете. Правые поливают Ленина грязью, пережевывая разные инсинуации о его личной жизни и сплетни о связях с германским генштабом. Левые истово защищают Ленина, зачастую повторяя не всегда удачные апологетические перлы советской официальной сусальной ленинианы... И обе стороны, участвующие в спорах, не могут и не хотят признаться в главном – что вовсе не исторический реальный Ленин их интересует. Он – объект изучения историков, у которых свои методы и свои приоритеты. Стороны же общественной дискуссии о Ленине занимаются трансформацией или противятся трансформации идеологического образа Ленина, сложившегося в советские времена.

При этом никому не приходит в голову, что совсем не случайно Ленин занимал такое важное место в советской идеологии и представлял в ней именно таким, а не каким-либо иным. И совсем не случайно идеологи сегодняшнего российского государства пытаются представить Ленина собранием всех человеческих недостатков и злым гением российской истории...

2.

Идеология, как известно, вовсе не призвана объективно отражать историческую реальность. Для этого существует наука. Главная функция идеологии – служить крепящим каркасом данного общества, выражать его потребности, надежды, идеалы, помогать ему выстоять, выдержать удары различных социальных стихий.

Следовательно, и образ Ленина в советские времена выражал не столько объективную истину о роли Ленина в истории России и мира – требовать этого от идеологии, как уже говорилось, и невозможно, а воплощал представления об идеальном, справедливом правителе, каким он виделся представителям советского общества, о том, что он должен делать, а чего не должен, о том, в чем состоит социальная справедливость.

Более того, это был центральный образ советской идеологии. Ленин представлял в ней как демиург, который, создав первое в мире социалистическое государство, открыл эру коммунизма, при котором покончено со всяким социальным злом. Его труды рассматривались как источник абсолютной истины. Его идеи были источником легитимности советских правителей.

Все они – от Сталина до Горбачева – в глазах народа имели право на власть потому, что были продолжателями дела Ленина. По сути же речь шла об оправдании того или иного политического курса той или иной

интерпретацией наследия Ленина и его политической биографии.

Советское общество прошло довольно большой исторический путь и было разным на разных этапах своего существования. СССР 1920-х годов совсем не был похож на СССР 1930-х, а последний – на СССР 1970-х. Естественно, по мере того как менялось само советское общество и его политический курс, менялся и идеологический образ Ленина, потому что менялись представления об идеальном правителе, о социальной справедливости, о сути социалистического государства и его отношениях с окружающим миром. Менялся политический, экономический курс правящего слоя, и всякое такое изменение требовало нового идеологического обоснования, которое, в конце концов, сводилось к поиску нужных цитат в трудах Ленина и новой интерпретации его фигуры.

Я далек от того, чтобы утверждать, что идеологические работники СССР сознательно переконструировали образ Ленина под новые веяния, нет, это происходило стихийно, можно сказать каждая новая генерация советского общества просто по-другому видела Ленина, выхватывала из его биографии и его творений то, что им было нужно и важно, а если не находила этого, то домысливала... Можно сказать и иначе: советские люди смотрелись в идеологему Ленина как в зеркало и видели в этом зеркале не столько реального, исторического Владимира Ульянова-Ленина, сколько самих себя.

В советской послеленинской истории обычно выделяют эпоху борьбы за власть, эпоху сталинизма, эпоху Хрущева, брежневский застой и перестройку. Можно выделить как минимум и четыре образа Ленина: Ленин-ортодокс, Ленин-патриот, Ленин-реформатор и Ленин-миротворец.

3.

В 1930-е годы руководство страны взяло курс на стабилизацию, собирание сил, единение. СССР предстояли коллективизация и индустриализация, без которых он не смог бы выстоять в неизбежной войне. Либерализм внутри партии, существование фракций, отсутствие единого лидера и существование неустойчивого олигархата – все, что было характерно для партии в 1920-е, стало непозволительной роскошью.

Начинается борьба с фракциями, зачистка их лидеров и активистов, формирование вертикали власти, во главе которой оказывается Сталин. Фракционеры оказывают бешеное сопротивление, в партии и в правящем классе государства зреют заговоры (так, историками уже доказано, что заговор Тухачевского действительно имел место).

Официальная пропаганда выдвигает образ Ленина – непреклонного ортодокса, владеющего абсолютной универсальной марксистской истиной и безжалостного борца с уклонами и ревизионизмом. Этот образ помог Сталину пресечь разброд и шатания, мобилизовать партию и народ и совершить в одно десятилетие рывок от аграрного к

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЕДШЕЕ

индустриальному обществу, на что западным странам потребовались века. Образ этот вдохновлял не только Сталина, но тысячи и тысячи офицеров и солдат партии, которые были исполнителями воли Сталина, свою очередь сконцентрировавшей волю миллионов простых людей – покончить с наповской необуржуазией, сплотить ряды, догнать передовые в техническом отношении страны.

4.

Великая Отечественная война внесла свои коррективы в государственную идеологию. Очень скоро стало ясно, что германская империя, напавшая на СССР, ведет не обычную войну, которая в случае поражения кончается аннексиями и контрибуциями, а войну на уничтожение целых народов и прежде всего, ядра советской державы – русского народа. Лидеры нацистского Рейха планировали сконцентрировать русских в центральной России – рейхскомиссариате «Московия» и при помощи чисток, болезней, голода, стерилизации и систематического спаивания сократить до нескольких миллионов, необходимых для обслуживания немецких латифундистов. Ни о какой даже буфафорской независимости под протекторатом Германии, о чем мечтали русские коллаборационисты вроде Власова, и что немцы готовы были предоставить, например, украинцам, даже речи не шло.

Осознание того, что на кону стоит само существование своего народа, пробудило в русских национальное самосознание. Война, которая ранее мыслилась в классовых категориях, начинает осознаваться как война Отечественная, война за Родину, за национальную независимость, за русскую идею.

В идеологический пантеон СССР, совсем недавно состоявший исключительно из бунтовщиков и революционеров, входят образы русских князей, полководцев: Александра Невского, Александра Суворова, Михаила Кутузова, которые еще несколько лет назад клеймились как реакционеры и прислужники царизма. Восстанавливается в правах православная церковь как церковь русского народа (это была уступка не религии, как считают сейчас, а именно русской культуре, для которой православные ценности – своеобразное ядро).

Изменяется и образ Ленина – центральный для советской идеологии. Из деятеля международного марксистского движения, твердо стоящего на страже чистоты марксистской идеи, эмигранта, знавшего множество языков и привычно чувствовавшего себя в европейских столицах, Ленин превращается в русского национального вождя, противостоящего нашествию иностранных интервентов, патриота социалистического Отечества, русского гения, понятного и близкого простым русским крестьянам и рабочим.

Этот образ был востребован миллионами и миллионами советских граждан, которые, как метко заметил Сталин в беседе с Черчиллем, воевали не за Интернационал, а за свою

матушку-Русь (кстати, Интернационал как организацию Сталин в разгар войны просто распустил, а вместо «Интернационала» - марксистского гимна ввел советский гимн, где пелось о том, что Союз Советских Социалистических Республик сплотила навеки Великая Русь).

В первое послевоенное десятилетие русская идея еще более прочно входит в идеологию СССР. Возрождается панславистская идея и даже осуществляется в некоторой степени мечта славянофилов о славянской державе от Балкан до Москвы. Советский Союз уж открыто провозглашается преемником Руси Московской и Российской империи.

В армии введены погоны и офицерские звания, введено отдельное школьное обучение и костюмы для школьников напоминающие гимназическую форму, разрешена церковь, рождественские елки (под именем новогодних). Миллионы бытовых мелочей делают СССР похожим скорее на дореволюционную Российскую империю, чем на футуристическую республику Советов – зародыш планетарного Советского Союза, о котором мечтали интернационал-большевики 1920-х.

Сам вождь СССР Сталин в статье о языкознании провозглашает, что национальная идея выше классовой, что народы и нации гораздо долговечнее экономических формаций и что возможно, нации продолжают существовать и при коммунизме. Заславский – ныне почти забытый, но некогда очень влиятельный идеолог позднего сталинизма создает концепцию, согласно которой каждая общественно-экономическая формация имеет свой народ-гегемон.

При рабовладении - это были греки и римляне, при феодализме – испанцы, португальцы и французы, при капитализме – германские народы, немцы и англосаксы. Социализм и коммунизм, по Заславскому, должны стать эпохой мировой гегемонии именно русской культуры.

Весь этот поворот к русскому мессианизму освящен фигурой Ленина, которого даже изображать в конце 1940-х – начале 1950-х начали иначе. В жизни Ленин имел широкие скулы и чуть раскосые узковатые глаза, многие современники писали об азиатских чертах в облике Ленина (что неудивительно, поскольку дед Ленина по отцовской линии был крещеным калмыком).

В эпоху позднего Сталина на многочисленных портретах и изображениях эти черты внешности Ленина исчезают, его облик становится чисто славянским. Миллионам советских граждан, для которых СССР был разновидностью русской державы, именно такой Ленин был понятен и близок.

5.

В недолгую эпоху правления Хрущева происходит ожидаемый и закономерный, хоть и приобретший уродливые формы процесс либерализации Советского Союза. Та самая война на уничтожение СССР, опасность

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЕДШЕЕ

которой подталкивала Сталина и его группировку к ускоренной модернизации и которая, начавшись, заставила советских людей снова сплотиться, победоносно завершена. СССР из международного изгоя превратился в сверхдержаву, с которой считаются все мировые державы. Он находится в зените геополитического могущества.

Враждебные намерения капиталистических держав надежно нейтрализованы советским ядерным щитом. Исчезли все обоснования дальнейшего сохранения авторитаризма, единения, сопряженного с отказом от демократических свобод, прежде всего, свободы слова, существования строжайшей идеологической цензуры, в конце концов, репрессий недовольных.

Наконец, население СССР устало от многолетнего напряжения, которое породил мобилизационный прорыв. Выросло новое поколение, представители которого со свойственной юностью пылом хотят сами разобраться в происходящем, поучаствовать в строительстве социализма, а не быть просто исполнителями приказов.

В.В. Кожин писал, что любой, кто бы пришел к власти после смерти Сталина, должен был произвести либерализацию (вспомним, что амнистия заключенных лагерей была начата еще Берией, который всерьез рассчитывал на место наследника Сталина). Мы бы добавили к этому: любой тоже был произвести определенные реформы и в экономике, и в политике, и в военной сфере, и в идеологии. Машина сталинского государства была создана для мобилизационного прорыва, предполагала наличие внутренних и внешних врагов, требовала безмерного энтузиазма и самопожертвования.

Но все эти породившие ее факторы уже ушли в прошлое. Нужно было сокращать численность армии. Нужно было ликвидировать правовую и материальную пропасть между городом и деревней. Нужно было переводить идеологию на мирные рельсы, ослабить цензуру, начать обсуждение загнанных вовнутрь проблем. Советское общество 1950-х было обречено на реформы.

Другое дело, что эти реформы были проведены Хрущевым и его группировкой крайне топорно, бездарно, не решив поставленные задачи, а лишь усугубив кризис. Одно только очернение Сталина, обвинение его во всех издержках мобилизационного периода, нанесло такой удар советскому обществу, что оно так от него и не оправилось...

Востребованность реформ породила трансформацию центрального образа советской идеологии – образа Ленина. На смену Ленину – русскому патриоту приходит Ленин-реформатор, даже Ленин - демократ. Этот образ лепили в творческих мастерских шестидесятников – Вознесенского, Евтушенко, Рождественского. Демократичность, открытость Ленина для простых людей по свидетельству специалистов особо подчеркивается в образцах Ленинианы 60-х

(например, в повести Казакевича «Синяя тетрадь»).

Это соответствовало духу эпохи. И духу преобразований, происходивших в СССР, и духу того, что происходило за его пределами. Ведь это вообще была эпоха революций – китайской, кубинской, латиноамериканских, африканских, азиатских. Обрели второе дыхание надежды на скорую мировую революцию, которые уже было почти отбросили в эпоху Сталина.

Снова начались разговоры о близости коммунизма. Знаменитое хрущевское «уже нынешнее поколение будет жить при коммунизме» - ведь по сути карикатура на ленинское заявление, брошенное молодым комсомольцам 20-х – я как представитель старшего поколения уже не увижу коммунизма, а вы обязательно увидите.

6.

Но продолжалось это недолго. Вслед за хрущевской либерализацией пришел брежневский застой, который, собственно, был реакцией на неудавшуюся (к счастью!) перестройку Хрущева. События 1980-х – 1990-х показали, чем могли бы закончиться эксперименты шестидесятников. На рубеже 1970-х партийные прагматики решили подморозить СССР, чтоб он окончательно не рухнул в результате скороспелой катастрофы.

Начинается новый, консервативный период и похожий, и не похожий на сталинизм. С одной стороны происходит тихая ресталинизация: не отрицая хрущевской оценки репрессий 1937-1938 как «незаконных», власть воздаёт Сталину должное как руководителю победоносной армии и государства.

Вводятся идеологические препоны совсем уж радикальным идеям и течениям (хотя ничего подобного сталинской борьбе с врагами не происходит: диссидентство существует на полуправовых основаниях, антисоветчики вместо Колымы оказываются на Западе, куда они и сами стремясь; вообще уровень притеснения инакомыслящих сравним с общеевропейским, где тогда также были запреты на профессии и «посадки» коммунистов). Происходит возвращение к советской русской идее, свойственной для позднего сталинизма. Прекращаются и гонения на церковь, которые было возобновил «революционер» Хрущев.

С другой стороны это уже не воинствующий сталинский консерватизм. Брежневский консерватизм миролюбивый, он строится на желании сделать все, лишь бы избежать войны (понятный для населения страны, только что пережившей страшную войну). Ему чужд и позднесталинский дискурс угрозы Западу и хрущевский дискурс мировой революции. Брежневский СССР сохраняет военную мощь, которой достаточно, чтоб остудить «горячие головы» западных «ястребов».

Но стратегия ухода от конфронтации с Западом имеет не только военный, но и экономический аспект. Руководство брежневского СССР делает так, что Западу в

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЕДШЕЕ

лице его бизнес-элиты было невыгодно воевать с Советским Союзом и разрушать его.

Достигается это за счет регулярной поставки в Европу нефти и газа по специально выстроенным для этого трубопроводам (которые до сих пор остаются основой экономики России), встраивания СССР в систему мировой экономики.

Итак, в 1970 - начале 1980-х СССР - консервативное, умеренно авторитарное, но вполне миролюбивое государство, управляемое старцами, не желающими никаких изменений, революций и войн. Соответственно меняется и образ Ленина.

Идеология СССР – теперь не классовая война, а мирное сосуществование различных систем. Вождь революции, который в жизни был достаточно жестким, несентиментальным политиком, сохранившим юношескую энергию до зрелых лет, все больше предстает в пропаганде как добрый дедушка, окруженный детьми и наделяющий их разными дарами (что нашло выражение в растиражированном рассказе о елке в Сокольниках, который первоначально был лишь маленьким эпизодом в другой, совсем не благодушной истории о нападении бандитов на автомобиль с Лениным).

7.

Перестроечный образ Ленина-реформатора (нашедший яркое выражение, например, в пьесах Михаила Шатрова) мы рассматривать не будем... Перейдем сразу к современному чернушному «Ленину», наличествующему на страницах книг и кадрах пленок книг и фильмов нынешних антиленинистов. Социальные корни новой трансформации образа Ленина тоже понятны.

Рухнул СССР. Однако в России (в отличие, например, от Прибалтики или стран Восточной Европы) никакой Реставрации не произошло. Не вернулись из-за границы потомки дореволюционных хозяев. Не были им возвращены земли, усадьбы и предприятия. Не был принят закон о люстрации, который запрещал бы бывшим партийным руководителям и работникам спецслужб занимать государственные должности.

Во власти остались примерно те же люди – бывшие секретари райкомов, горкомов, обкомов, члены ЦК КПСС и ВЛКСМ, работники КГБ СССР, наскоро переименованного в ФСБ РФ, но в общем и в целом и сохранившего структуру и кадры и даже усилившего свою былую влияние. Под разговоры о капитализме, первоначально накоплении и приватизации они занимались и занимаются разворовыванием государственной собственности, точнее, перераспределением ее между вечно враждующими кланами, происхождение которых уходит вглубь советской элиты.

Под разговоры о «возвращении в семью цивилизованных народов» они сдали все геополитические позиции Родины, расчленили ее, отдали противникам. Под разговоры о демократии и либерализме они поощряют самый откровенный разврат,

безнравственность, глумление над всем святым, цинизм.

Они все предали идеалы своей молодости, все лучшее, во что верили, саму Родину и народ, превратились в воров и циников. И именно ими и востребован черный образ Ленина, который лепится услужливыми работниками идеологического цеха, такими же перевертышами, как они сами, вчера прославлявшими Ленина, сегодня его поливающими грязью.

Ленин в этих измышлениях предстает как предатель Родины, за деньги германского генштаба готовивший государственный переворот, а потом отплативший немцам большими территориями по Брестскому миру, как развратник, изменявший своей жене с Инессой Арманд, а возможно и со многими другими женщинами и подхвативший сифилис, который и свел его в могилу, как сибарит, живший на широкую ногу на партийные деньги за границей, да и во времена революционного голода не знавший нужды, как трус, не посмевший дать отпор бандитам, которые напали на автомобиль, где ехал он с женой, наконец, как сумасшедший садист, которому доставляло удовольствие, что он одним росчерком пера может отправить на тот свет тысячи людей.

Конечно, им приятно думать, что если сам Ленин, которому они поклонялись в молодости как великому гению, и который и в идеологии постсоветской России остается центральной фигурой, но уже как злой, а не добрый гений, был таков, то по сравнению с ним – они ангцы невинные. По сути же такой черный образ Ленина – лишь обобщенная характеристика их самих, их собственное отражение в зеркале идеологии.

Им нужен именно такой Ленин, чтоб и дальше без угрызений совести предавать, воровать и развратничать. И не верьте им, когда они обещают вынести Ленина из Мавзолея или стереть его имя из памяти общества... Пока они у власти им нужно сохранять память о Ленине, а для этого нужно и Мавзолей оставить в покое и улицы не переименовывать. Но только чтоб сохранялась такая память, которая им выгодна. ▲